
1895

1895 г.

27 января. Московская история с Ключевским разрослась чрезвычайно; рассказы о ней до такой степени разноречивы, что в них трудно разобраться. Дело в том, что свистали Ключевскому приблизительно через две недели после того, как он прочел свои лекции об Александре III, – когда он читал о местничестве. В это воскресенье мы у Шифф встретили всеведущего и вездесущего А[лександра] Ф[едоровича] Селиванова, к[ото]рый рассказывал, что вся Москва толкует о том, что этот скандал Ключ[евско]му был устроен Милюковым¹ и что лица, наиболее близко стоящие к Ключевскому, верят этим слухам; верит ли им сам Ключ[евск]ий, Сел[ивано]в не знает, так как на Святках, когда С[еливано]в был в Москве, Кл[ючевск]ий уезжал в Аббас-Туман. С[еливано]в передает со слов других, будто Кл[ючевск]ий так раздражен всей этой историей, что решил ни за что не давать М[илюко]ву оклада в университете, хотя бы ему, Кл[ючевско]му, пришлось из-за этого читать 5 обязательных лекций в неделю². С[еливано]в говорит, что отношения между Кл[ючевски]м и М[илюковы]м начали портиться давно: М[илюко]в слишком заносчиво держался, а Кл[ючевск]ий был недоволен его рецензиями в «Русской мысли»³, в к[ото]рых он слишком резко разносил стариков – Соловьева, Замысловского⁴. Затем, когда Кл[ючевск]ий был избран председателем Общ[ества] ист[ории] и др[евностей] российских, то в следующем заседании М[илюко]в заявил, что избрание совершенно неправильно, так как повестки не были разосланы⁵. (Об этом избрании, как оно происходило, мы раньше здесь ничего не слышали⁶.) По мнению С[еливано]ва, вся теперешняя история должна сильно повредить Мил[юко]ву.

Когда из-за освистания Кл[ючевско]го начались аресты, исключения и высылки, в университет явилась, по настоянию Капниста, полиция, и университет несколько дней был закрыт. (Акта в этом году не было.) Тогда профессора университета, в числе 42 человек, составили петицию о возвращении исключенных и высланных и об организации университетского суда⁷ и подали ее, помимо ректора и попечителя, великому князю, к[ото]рый встретил их очень сухо, но все-таки

¹ Слова и об организации университетского суда вставлены над строкой.

принял петицию и направил копию с нееⁱ сюда⁷.ⁱⁱ Делянов по поводу нее рвал и метал: уверяли, будто он потребовал к себе уже просмотренные и одобренные им списки лиц, которые должны были получить к Новому году награды, и вычеркнул из этих списков профессоров Моск[овского] ун[иверситета], подписавших петицию. Между тем ректор и проректор Моск[овского] ун[иверситета] подали в отставку, видя в факте подачи петиции помимо них недоверие со стороны профессоров, но их отставка не была принята⁸. Вследствие объяснит[ельной]ⁱⁱⁱ записки попечителя для университета ожидали разгрома, и тогда собрался ун[иверситетск]ий совет, в к[ото]ром профессора подписали заявление, что они не стоят за землячества, а на другой день им показали записку попечителя, обвинявшего их именно в том, от чего они отреклись⁹. Затем в рассказах следует какая-то пуганица: будто бы было две редакции заявления и профессорам дали подписывать не ту, к[ото]рая была прочтена. Затем Грот от чего-то отказывался и т.д.

В вторник^{iv}, 17 января, государь принимал депутации от дворянств, губернских и уездных земств, от казачьих войск и областей, городов и станиц. Государь сказал небольшую речь: «Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств, искони присущих каждому русскому. Но Мне известно, что в последнее время слышались в нек[ото]рых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что Я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный Родитель»¹⁰. Речь эта произвела на всех громадное и очень различное впечатление. Резкий тон ее был вызван, очевидно, адресом Тверского земства, поданным раньше государю через Дурново. В этом адресе земство просило о том, чтобы не только голос администрации, но и голос народа (или представителей его) доходил до царя и чтобы закон исполнялся администрацией так же, как народом. За этот адрес приказано объявить земству выговор¹¹. А при представлении депутации от Тверского земства 17 января старик, державший блюдо с хлебом-солью, говорят, уронил все на пол, причем государь успел поддержать блюдо.

По городу рассказывают, будто на блюдах, поднесенных государю, сделаны разные надписи: на блюде от крестьян: хлеб наш насущный даждь нам днесь. От дворян: остави нам долги наша. От духовенства (Синода): избави нас от лукавого (Победоносцева)¹².

13 января состоялся указ о ежегодном отпуске из средств государственного казначейства в распоряжение Импер[аторской] Академии наук 50 000 рублей на вспомоществование нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, а равно их вдовам и сиротам¹³. Слава Богу! По этому поводу в Москве сделано много пожертвований журналистами (Пастуховым, Петровским, Александровым) с целью устроить убежище для утративших способность к труду сотрудников русских повременных изданий и для их семейств. Наконец-то для этого класса тружеников устраивается нечто.

ⁱ Слово ее исправлено на копию с нее. Вставлено над строкой.

ⁱⁱ На правом поле напротив текста А попечитель подал объяснительную записку, обвиняя профессоров в потачке студентам.

ⁱⁱⁱ Слово объяснит[ельной] вставлено над строкой.

^{iv} Слово среду исправлено на вторник.

20 января было общее собрание нашего общества; меня выбрали в совет – нужно потрудиться на пользу этого близкого и симпатичного мне дела.

14 февраля. За последнее время можно указать две злобы дня:¹ 1) запрещение Милюкову и Безобразову преподавать и читать лекции, 2) здешние события 8 февраля. За что постигла такая кара Милюкова, никто хорошенько не знает: официально – за его публичные лекции по истории культуры, читанные на Святках в Нижнем¹⁴, но, вероятно, это только предлог: на него давно косо смотрели, а тут подвернулась эта история с Ключевским. Говорят, что Победоносцев обратил внимание на деятельность комиссии домашнего чтения, где Милюков состоит председателем¹⁵, и т.д. Безобразов же прочел в Москве какую-то удивительную публичную лекцию о правах женщины (далась ему женщина!), где коснулся, как говорят, современного порядка, призывал к чему-то слушателей, за что они ему устроили овацию. Говорят даже, будто Без[образо]в выслан из Москвы¹⁶; то же говорили и про Милюкова, но это оказалось вздором.

8 февраля я в первый раз в своей жизни была на универс[итетском] акте. Отчет читал юрист Ефимов – довольно бесцветно, речь – восточник Жуковский (о суфистах, мистическая персидская секта)¹⁷. Затем раздавались медали¹⁸, а в заключение ректор Никитин, появление к[ото]рого на кафедре было встречено громом рукоплесканий, произнес небольшую, сильную, хотя и сдержанную речь, в к[ото]рой намекнул на статью в «Нов[ом] времени», говоря о людях, «к[ото]рые смеют называть себя питомцами нашего университета, между тем как им ненавистно в нем все, начиная от надетого на нас платья и кончая преподаваемой здесь наукой»¹⁹. В конце он пожелал процветания университету для блага науки и дорогой нам родины. – Речь эта была принята восторженно; затем обычное *gaudeamus*²⁰ – и акт кончился²¹. В этот день С.Ф. обедал со старшими историками (Чечулин, Дружинин, Середонин, Степанов, Иванов, Форстен, С.Ф., Рождественский).

Вечером (это была среда) к нам приехали и эти историки, и младшие (Пресняков, Адрианов, Полиевктов, Лапшин, Панченко, Головань); некоторые, особенно Адрианов, были не то чтобы пьяны, а веселы бесконечно. Около 12 часов ночи все ушли; Чечулин, как оказывается, отправился не домой, а в шахматный клуб, где пробыл недолго; когда он выходил оттуда, его предупредили, что на улице беспорядок; оказалось, что происходит грандиозная драка между студентами, с одной стороны, и дворниками и полицией, с другой; пущены были в ход шашки, метлы и лопаты; перевес сил оказался на стороне дворников и городских, и, по слухам, около 200 студентов было избито; Чечулин, заступившийся за студентов, также был избит. Возмущенный этой историей, он написал прошение на Высочайшее имя, к[ото]рое студент граф П[авел] С[ергеевич] Шереметев отвез Воронцову-Дашкову, а тот при докладе передал Государю. В 12 часов ночи Чечулина потребовали к начальнику личной охраны Черевину, обладающему способностью быть пьяным с утра, но в нужную минуту мгновенно протрезвляться. Черевин принял его очень сухо, очень резко порицал поведение студентов 8-го числа и спросил: «Чего же вы просите? Пожизненной пенсии?» Сегодня в газетах напечатано

¹ На левом поле напротив текста Чествование памяти Чебышева в Физ[ико]-мат[ематическом] общ[естве].

подробное сообщение о действительно безобразном поведении студентов 8-го числа, и напечатано, как говорят, внезапно, по приказанию государя²². Из этого мы заключаем, что едва ли прошение Чечулина приведет к чему-нибудь. Теперь, как сообщил С.Ф.-чу ректор, дело передано прокурорскому надзору. Что студенты вели себя безобразно и неприлично, этого никто не отрицает, но почему-то, в ожидании вечерних беспорядков на улицах, этот дурак и негодяй Валь заранее¹ назначил для охранения порядка не жандармов или казаков, а дворников, к[ото]рые, вместо того чтобы арестовать бесчинствовавших студентов, принялись их бить. Весь П[етер]бург страшно взволнован всей этой историей; все только одного желают, чтобы поскорее убрали Валя²³.

В этом году 19 февраля пришлось, слава Богу, в воскресенье, так что день этот, против обыкновения, обойдется, вероятно, без волнений. Впрочем, в университете в последние дни появились какие-то прокламации, приглашавшие всех, сочувствующих 19 февраля, собраться в этот день на Исаакиевской площади для общей панихиды по Алекс[андру] П²⁴. Студенты обратились к главарям тайной студенческой кассы с вопросом, от них ли это. Те не только ответили отрицательно, но еще выразили сомнение в том, от студентов ли это исходит. Тогда студенты собрали несколько экземпляров этой прокламации и представили ректору.

7 марта. Дело о беспорядках 8 февраля как-то замолкло. С.Ф. видел как-то у Бестужева графа С[ергея] Д[митриевича] Шереметева, к[ото]рый в тот день завтракал во дворце и говорил об этой истории с императрицей-матерью: она очень возмущалась поведением полиции.

А Милоков и Безобразов действительно высланы из Москвы²⁵. Аничков передавал Васильевскому, что Милоков прочел в Москве лекцию о Петрашевском. Когда полицеймейстер заявил М[илокову], что он не имеет права читать лекцию, так как ему запрещено преподавание, М[илоков] ответил, что он уступит только силе. За это он и выслан. Но странно, что об этой лекции М[илокова] мы ни от кого не слыхали. В[асильевск]ий сказал Аничкову в ответ на этот рассказ: «Вы сами во всем виноваты; это значит совсем озлобить человека». М[илоков] уехал в Рязань, а Б[езобразов] в Тулу; оба они лишены права въезда в университетские города. Чем они будут жить, особенно М[илоков], у к[ото]рого буквально гроша за душой нет, а между тем у него недавно родился второй ребенок (?)²⁶. Зина пишет, что во всей этой истории В[ладимир] И[ванович] Герье выказал себя героем: он даже был у М[илокова]. С.Ф. как-то был по делу у Латышева и там горячо говорил о том, что русская наука несет чувствительную потерю в лице оставленного от преподавания М[илокова], что он – крупная научная сила и т.д. Но Л[атышев] в замят этот разговор. А дело с лекциями в Нижн[ем] Новг[ороде], кажется, вышло так: их устраивал Гольцев, к[ото]рый, однако, по болезни в чтении их участия не принял²⁷; по какому-то недоразумению они были разрешены каким-то местным начальством, помимо начальства высшего, для к[ото]рого их тенденция явилась совершенно нежелательной²⁸.

Вчера я прочла в «Северном вестнике» статью В[ладимира] В[асильевича] Стасова о «Распятии» Ге и очень заинтересовалась приведенными в ней отзывами

¹ Слово заранее написано на правом поле.

об этой картине печати, современной ее появлению²⁹. На днях я видела ее на посмертной выставке картин Ге, но теперь мне хотелось бы еще раз ее увидеть.

Несколько лет тому назад Ламанский предложил факультету избрать В[ладимира] В[асильевича] Стасова доктором *honoris causa*³⁰. Дело пошло через совет, к[ото]рый и поручил Ламанскому представить в совет докладную записку об ученых трудах Ст[асо]ва, как это всегда делается. Л[аманский], конечно, до сих пор так ничего и не представил, а Ст[асо]в, уверенный в своем избрании, явился на акт в парадном костюме и заранее осведомлялся, нужно ли ему произнести благодарственную речь в ответ на провозглашение его доктором на акте.

27 марта. Ниночка больна: у нее маленький местный плеврит; доктор уложил ее в постель, чем она очень тяготится: температура у нее невысокая, так что, по-видимому, ничего опасного нет, а все-таки тоскливо на душе. Дай Бог, чтобы она скорей встала. Я очень боюсь всех этих плевритов и воспалений. Бедная Ниночка очень похудела за это время.

16 мая. Полтора месяца я ничего не писала в своем дневнике: болезнь Ниночки, к счастью, оказавшаяся пустяком, затем Пасха, потом сборы к отъезду – все это меня очень утомило. 4 мая я наконец вырвалась из П[етер]бурга со всей семьей, кроме С.Ф., к[ото]рый занят до 1 июня в госуд[арственной] экзаменационной комиссии. Ехали мы прекрасно, дети не беспокоились, и сюда мы прибыли в самое лучшее время: даже деревья не все еще распустились. Целый день мимо нас снуют по Волге пароходы; местность здесь прелестная; жизнь мы ведем тихую, так что П[етер]бург с его многолюдством и шумом мне представляется лежащим на другой планете.

Весной в университете был два диспута: Жданова (23 мая, оппоненты – Соболевский и Веселовский) и Петухова («О синодиках», 30 апреля, оппоненты – Соболевский и Троицкий). Диспут Жд[ано]ва был очень хорош, но Соб[олевский] плохо возражал: он как-то совсем не понимал Жд[ано]ва, так что последний даже прямо сказал ему: «Нет, вы не туда идете». Веселовский возражал прекрасно, но мало. Мне очень понравился его тон: у него нет ни малейшего стремления уличить в чем-нибудь противника, оборвать его, а просто ему хочется побеседовать с компетентным человеком об интересующем его вопросе и высказать свои соображения³¹. Студенты устроили Жд[анову] целую овацию, снесли его на руках с лестницы, а затем студенты-филологи у самого Фил[ологического] инст[иту]та шумно приветствовали его на набережной; небо было такое ясное, солнце так ярко светило, на молодых лицах такое хорошее выражение – все это мне очень понравилось. – Перед моим отъездом из П[етер]бурга я была с С.Ф. у Бестужева, к[ото]рый находит, что на диспуте Жд[ано]ва Соб[олевский] совершенно провалился и погубил себя во мнении всех понимающих людей. Академики, впрочем, кажется, имеют против Соб[олевского] некоторый зуб: они хотели избрать его адъюнктом и поручить ему продолжать издание акад[емического] словаря³², но Соб[олевский] заявил, что согласится на это только на нек[ото]рых условиях. На его условия академики не согласились и избрали московского Шахматова³³.

Диспут П[етухова] происходил в той же аудитории, где 7 лет тому назад, весной 1888 г., происходил его магистерский диспут, на к[ото]ром один из его

¹ Почетным (*лат.*).

официальных оппонентов П[етр] О[сипович] Морозов заключил свои возражения так: «Я уверен, что впоследствии вы сами, глядя на свою маг[истерскую] диссертацию, скажете: не помяни, Господи, греха юности моей». То был самый ужасный на моей памяти диспут, когда факультет, по инициативе Кареева, тут же, при публике, несколько минут совещался о том, давать или не давать диспутанту искомую степень, и наконец большинством голосов (не единогласно) решили дать³⁴. Говорят, что вечером в день того диспута Пет[ухо]в пришел к своему товарищу (кажется, Бороздину) и со слезами говорил, что он до конца жизни не забудет этого дня. Докторский диспут его прошел гораздо благополучнее: речь его была плоха, Соб[олева]вский возражал неважно, Троицкий – очень хорошо. Сказал несколько слов и С.Ф. – не столько против диспутанта, сколько против Соб[олева]вского³⁵.

Ноябрь 1895 г.

4 ноября. Опять почти полгода ничего не писала. Лето мы провели хорошо: купались, гуляли. Дети очень поправились и выросли. С.Ф. за лето совершил несколько поездок: сначала ездил с Ал[ександром] Андр[еевичем] Спицыным на раскопки во Влад[имирскую] губернию (Муром). Оттуда приехал 16 июня к нам в Константиновку. Сюда же явились 16 июня из Москвы Кл[еопатра] Ал[ександровна] и Соня. Потом гостил у нас Викт[ор] Вас[ильевич] и на несколько дней приезжали Спицын и Середонин, к[ото]рый женится на курсистке Котляревской, свадьба отложена до мая [18]96 г. Затем в 20-х числах июля С.Ф. ездил в Вологду, к[ото]рая интересовала его как старинный русский город. В начале августа мы с С.Ф. (Наташу я отлучила с 11 июля) ездили в Нижний, там были у Володи. Сильно чувствовалось, до какой степени за эти 10 лет мы отделились друг от друга. Еленочка мне понравилась, а Юрочка производит жалкое впечатление: такие у него большие грустные глаза, недетски-серьезные. С.Ф. уехал из деревни 19 августа, а я с детьми 29-го – на Москву, где пробыла три дня. Была 1 сентября на акте в гимназии Фишер с Ниночкой и Верочкой, очень приятно было встретиться с прежними учителями и подругами. Ниночка очень заинтересовалась гимназией и ученицами и теперь бредит тем, как бы поскорее поступить в гимназию.